

АМНЕЗИЯ

Рецензия на книгу

С. Г. Кара-Мурза «"Совок" вспоминает»,
ЭКСМО-Алгоритм, Москва, 2002, 383 с.

Есть ведь люди, которые на что-то странное в упор смотрят - и не видят. Кажется, забыть такое невозможно, а назавтра его спрашиваешь - нет, не видел!

С. 189-190 вышеупомянутой книги.

Чтение мемуаров учёных - мое мелкое увлечение. В последние десятилетие таких книг и журнальных статей у меня накопилось более десятка, очень разных по времени описываемых событий, обстоятельствам написания и стилю изложения. Имя Сергея Кара-Мурзы на обложке привлекло мое внимание сразу - во-первых, он не только химик-органик (как и я), но и учился в тех же аудиториях и работал почти под теми же тягами (Кафедра органической химии Химического факультета МГУ, затем - Лаборатория химии углеводов), но на четверть века раньше. Во-вторых, С. Г. Кара-Мурза не без оснований был известен как квалифицированный науковед, и можно было бы предположить присутствие в его мемуарах оригинальных обобщений по поводу развития советской и мировой органической химии и биохимии во второй половине прошлого века. Самоуничижительное название книги я посчитал за склонность автора к эпатажу. Забегая вперед, скажу, что ожидания мои совершенно не оправдались - более того, это самые необычные мемуары из тех, которые приходилось держать в руках.

Книга состоит из предисловия на полторы странички и девяти глав (не пронумерованы, я ввожу номера для удобства), из которых три (2-4) посвящены детству и юности мемуариста, а первая - предыстории.

Если из предисловия отжать камлания по поводу "мощных сил", "чубайсов и грефов", то остаётся следующее: "Эти воспоминания, конечно, лиричны - ведь вспоминаем мы в таком случае себя и своих близких, родных и друзей. Да и вообще хороших людей приходится встречать гораздо чаще, чем плохих - их и вспоминаешь". Запомним эти золотые слова.

Первая глава, в которой излагается история предков автора до второго колена, называется несколько странно: "Революция и буржуазия". История "принявших революцию" деда и бабушки со стороны отца, их взаимоотношения с властью, оправдание переселений из роскошной квартиры и особняка в барак и "уплотнений" ("В 60-е годы, когда началось большое жилищное строительство, им на общих основаниях дали хорошие квартиры". С. 10) мягко переходят в полемику с Говорухиным (скажем, не самым достойным историком нового времени). Следует заметить, что добрая половина книги написана в полемическом ключе, во вполне ленинском стиле, с грубостями, искажениями и передёргиваниями. Пример: "А

вспомним перестроечную книгу “Зубр” - в какой “темноте и нищете” жил дворянин Тимофеев-Ресовский, которого к тому же послали стажироваться в Германию?” (с. 11). Действительно, гранинского “Зубра” вспоминать не стоит - это плохой беллетризованный пересказ “Воспоминаний” Н. Тимофеева-Ресовского, вышедших позднее (М., АО Изд. Гр. Прогресс-Пангея, 1995). Читаем там: “Чтобы... переехать в Берлин, оказалось, что нужно для начала одеться и обуться” (С. 174-175). И далее, на десять страниц следует история переезда Н. Тимофеева-Ресовского с семьёй в Берлин-Бух, не последнюю роль в которой играет костюм, перешитый из плаща. Если это не нищета, то что же? Таких полемических недобросовестностей много, и, чтобы не забивать рецензию ссылками и цитатами, я останавливаться на них без крайней необходимости не буду. Далее биографии родственников отца Кара-Мурзы сменяются полемикой с некоей с.н.с. Н. Козловой по поводу - выросла ли культура в СССР в 20-30-е годы или нет? До конца первой главы (еще 20 стр.) - аргументы за то, что выросла (в том числе на примере роста образованности в Таджикистане, т.к. мать автора была родом из Семиречья (с. 27), которое, замечу, от Таджикистана не близко. Вот такая лирика...

Три последующие главы, за малым исключением, написаны искренне и при этом - хронологически точно и определено (далее эта чёткость пропадает). Содержание вкратце: мальчик из образованной семьи, родившийся в 1939 году, рано лишился отца (отец ушел на фронт в 1941-м, погиб в августе 1945). Эвакуация в Казахстан, потом - бедная, временами полуголодная жизнь в военной и послевоенной Москве, школа, друзья, маленькие детские и подростковые радости (поездки, театр, научные кружки, мотоцикл). Смысл - несмотря ни на что, люди остаются людьми... Портят впечатление полемические выпады против “демократов” и др. (с. 37, 41, 47-51, 55, 77, 110-111), неуместные, нелогичные и просто неумные. Пятая глава “Студенческие годы” (т.е. 1956-61) производит странное впечатление отсутствием логики повествования, неинформативностью и какой-то безликостью - автора, за редким исключением, окружают анонимы: “И у нас сразу объявился в группе такой шеф [с четвертого курса], и помощь его трудно переоценить. Действительно, он был наставником, очень заботливым” (с. 168) Кто? Непонятно. “Секретарем у нас стал любимец курса, парень очень живой, бескорыстный и остроумный. Внешне и манерами как две капли воды похожий на Б.А. Березовского, но с обаянием не таким сатанинским, а именно добрым.” (с. 169). Кто этот БАБ конца 50-х? Тайна. И так ещё более десятка анонимов. По именам и фамилиям названы только четыре однокурсника: полька Эмилия Бздак, “очень элегантная и сильно озабоченная на антисоветской почве” (с. 135), вьетнамец Во Минь Фу, явно сильная личность с необычной судьбой (с. 176-179), Алик Штейнман (с. 203-204) и Тамерлан Айзатулин (с. 197-198); двое последних - в связи с работой на целине. Еще пятеро упоминаются по именам. Из преподавателей - только двое: А. Н. Несмеянов (“прекрасно читал органическую химию”, с. 138) и Савич (без инициалов, член партбюро, с. 184). И всё!!! Не верите? “Профессор [математики] у нас был высшего класса, никакими книгами не заменишь” (с. 138). Точка. Могу предположить, что это был Лев Абрамович Тумаркин. “Думаю, что на химфаке были сильно поставлены практикумы и семинары... Приходила молодежь просто блестящая, особенно математики и физики-теоретики. Интеллект их восхищал, одно удовольствие было их слушать.” И что же следует после таких дифирамбов? “Действительно, можно было гордиться своей страной - без всякой патетики так могу сказать.” (с. 186). Прямо безымянные герои какие-то, павшие в битве за науку.

Кстати, о науке. Работая на кафедре (органической химии - она в тексте не названа), автор проводил синтез некоего “исходного вещества, [который] был капризным и неприятным.”(с. 179) Смею предположить, что это был (бета-хлорвинил)метилкетон, а Миша Г., этот синтез оптимизировавший - Михаил Александрович Грачёв, впоследствии один из разработчиков отечественного жидкостного хроматографа “Миллихром”, а затем - член-корр и директор Лимнологического института на Байкале. (См. Журнал прикладной химии, 1963, т. 36, вып. 3, с. 676-8.) Что касается других рассуждений на научные темы, то после слов “Для химика, по моему, главное было - понять термодинамику” (с. 185) так и тянет ехидно добавить: “... и кинетику!”. Не очень понятно, что мемуарист понимает под “системами знаний”, которые “нам не давали” (с. 187). Далее на две страницы, идут общие и не слишком вразумительные рассуждения о методологических недостатках преподавания на Химфаке. С высказыванием, что “те книги, по истории химии, что я раньше [1990 г.] читал в СССР... к реальной истории химии имели мало отношения” (с. 188) редкий профессионал будет спорить. Это, пожалуй, не относится к заключительным страницам пятой главы (с. 212-215) о пользе ВИНИТИ вообще и Реферативного журнала “Химия” (РЖХим) в частности. Эмоциональные комплименты этому журналу и грубые выпады в адрес потенциальных оппонентов никак не могут оправдать главные недостатки РЖХима - безбожное отставание от оригинальных статей и неудобные указатели.

Об экскурсах в современность в гл. 5. Дискутируя с неким Е. Тарановым по поводу того, были ли студенческие волнения в 1956 году (с. 153 и далее, шесть страниц!), Кара-Мурза пишет: “Да, кое-где и сегодня, при власти антикоммуниста Ю. Карякина, кормят дороговато”. (с. 157) Г-н Карякин, не удивляйтесь, я переписал фразу безо всяких сокращений! На с. 198-199 приведена целинная история о том, как механик Славка подкидывал гвозди в формовочную машину, чтобы потом, когда ловкие и сильные студенты уедут, нормировщица не увеличила бы нормы выработки кирпича. Вывод из этой нехитрой байки Кара-Мурза делает весьма неожиданный: “Жалко, что не этот худосочный Славка был у нас в 1992 году премьер-министром, а очень упитанный Гайдар.” (с. 199).

Молодому поколению, возможно, будет любопытно почитать, как сам Кара-Мурза чуть не был зачислен в шпионы (с. 181-183) и идиотскую историю умницы Артура Г. (с. 170-174) (“Сдай комсомольский билет!”), да боюсь, что теперешним студентам шекспировские страсти этих коротеньких рассказиков просто недоступны.

Глава 6 “Советский человек на Кубе”. Продираясь через невразумительное вступление (с. 216-219), читаем: “Вырос я в АН СССР...” и далее: “Я приехал на Кубу в 1966 году” (с. 223). Что-то не так: пять лет выпало, заодно с Академией наук.

Вынужден сделать отступление - о фигурах умолчания, псевдонимах и эвфемизмах в мемуарах советских учёных и конструкторов. Наиболее частая причина пробелов - секретность исследований и разработок, принимавшая порой маниакальные формы. Реже мемуаристы прибегают к уловкам по общечеловеческим причинам: аморальные поступки, о которых-то и вспоминать не хочется, предательство друзей, глупость близких или своя собственная. Или наоборот: опасение, что мемуары попадут в руки “органов” и окажутся невольным доносом. Или - нежелание играть роль обличителя и моралиста. Тут явно не тот случай (как и с “Мишей Г.”).

Восстановить *curriculum vitae* (или “трудовой путь”, кому как нравится) Сергея Кара-Мурзы не так и сложно: его работы несекретные, они опубликованы и зареферированы. Кому неохота рыться в реферативных журналах - см. “Биобиблиография ученых СССР”. “Николай Константинович Кочетков” (М., Наука, 1974). Н.К. Кочетков - это загадочный “шеф”, основатель Лаборатории химии углеводов (Сначала в ИХПС, который ныне - Институт биоорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова) затем - многолетний заведующий той же лабораторией и директор в Институте органической химии им. Н.Д. Зелинского (ИОХ), ныне - почётный директор ИОХ, академик, Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов и медалей СССР. Ссылки на работы С. Кара-Мурзы того времени см. с. 55, 60-61, 65, 69, 72, 81 вышеупомянутой брошюры, первая работа - 1961 год, последняя - 1967. Эти работы посвящены синтезу О-аминоацилсахаров и подходам к исследованию углеводных детерминант групповых веществ крови и других гликопротеинов. Последняя тематика чрезвычайно актуальна для иммунологии и практической медицины и при этом - чрезвычайно сложна. (Читатель получает некоторую невнятную информацию об этом только на с. 244, в середине шестой главы). Непосредственным руководителем работ С. Кара-Мурзы была (ныне покойная) Варвара Андреевна Деревницкая. Я не знаю, каковы были отношения мемуариста с руководителями, скорее всего, они были непростыми, но не упомянуть их имён вообще, на мой взгляд, просто неприлично. Не упомянут ещё один соавтор и старший (на два года) коллега Кара-Мурзы - Леонид Михайлович Лихошерстов, человек в высшей степени доброжелательный и отзывчивый. Памятуя о данном автором мемуаров обещании написать о добрых людях (см. “Предисловие”), восполняю этот невольный (или вольный) пробел.

Вернемся к главе о Кубе, судя по всему, и составляет основу книги, поскольку повествует о лучших (безо всякой иронии) годах в жизни мемуариста. Захватывает описание местной экзотики: кубинского быта, культуры, фантастических, редких для России характеров, обычаев и наложение этого на фиделевский вариант социализма (весьма отличающегося от знакомого старшему поколению советского; многого стоит одна короткая фраза: “ В 1967 году на Кубе создавалась единая партия - по типу КПСС” (с. 255) - через ВОСЕМЬ лет после победы марксистов!). Сильное впечатление производит “сафра” - заготовка сахарного тростника, на которую, по советскому образцу, посылают и интеллигентов. Если верить свидетельству С.К., наше “в колхоз” - бледное подобие сафры!

Если же серьезно, то и в этой главе трудно уловить последовательность событий и логику изложения (я так и не смог понять до конца, когда и на какой срок приезжал Кара-Мурза на Кубу (1966-?, 1970-1972, 1979?-?, 1999?)), какое событие произошло в первый визит, а какое - во второй или третий). Наряду с уже привычным читателю обилием анонимов портит впечатление и затянутое, со множеством пикантных подробностей, описание конфликта “с начальством советской группы специалистов” (с. 282 и далее, 20 страниц), в который Кара-Мурза был втянут благодаря заступничеству за коллегу (“Помоги как химик химику”). Обилие риторических отступлений и обвинений в адрес воображаемых оппонентов оставляет без ответа очевидный вопрос - почему все сорок с лишним лет правления Кастро с Острова Свободы граждане бегут, с огромным риском для жизни, во Флориду, в США, к этим проклятым гринго, у которых с демократией несвободно. Но, повторяю, это самая яркая глава, написанная о лучших годах жизни автора мемуаров.

Далее - снова провал. Из гл. 5 можно заключить, что Кара-Мурза работал в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ) - "А позже с Кедровым мне пришлось работать в одном институте" (с. 191). Когда, чем занимался? Далее об этом - ни слова, как и о докторской диссертации. Почему - непонятно. Распространение физических методов в химии - какие тут могут быть гостайны? В 1989-92 годах Кара-Мурза "читал в испанских университетах курс истории химии" (с. 188). В каких университетах, какое впечатление оставили студенты и коллеги-профессора? Не ищите ничего такого (кроме как то, что свет за ними приходилось выключать): глава 7, повествующая об Испании, называется: "Что печалит испанских моряков". Глава 8: "Бедность - личный взгляд". Полемический очерк с изрядной путаницей: под "нищетой" (состоянием) понимается "нищенство" (профессия). И не только: "Когда в 1988 году соратники Горбачёва начали выпускать мальтузианские манифесты и утверждать, что бедность - естественное и законное явление..." (с. 321). Не большой я поклонник последнего генсека, ну тут так и тянет спросить - назовите этих гадких соратников поименно! Нет, не дожدهшься от д.ф.н. Кара-Мурзы персоналий, одни символы: "Для меня эта перестройка стала делом врагов рода человеческого" (с. 321).

Последняя, девятая глава "Лирическое отступление о "переходном периоде" Далековато от Москвы" - о том, как Кара-Мурза строил собственный дом в деревне. Это - очерк нравов последнего времени, весьма остроумный и легкий для чтения (что выгодно отличает его от двух предыдущих). А ещё - это сборник ошибок, поэтому более подходящим было бы название "Как не надо строить дом". Во-первых, автор мемуаров доверил строительство новичку без малейшего опыта, сколотившему бригаду из таких же случайных людей, вдобавок пьющих. Во-вторых, дом, конечно же, строили без проекта (я тоже "совок" и не утратил советскую способность читать между строк) и даже без сметы. То есть нет: "...завез Дима мало. Весьма мало. Вдвое меньше, выходило по его округленной устной смете." (с. 333) Впервые в жизни я встретился со словосочетанием "устная смета", даже глазам не поверил. Воистину - "Разум не то чтобы отключается, а переходит в другое измерение". (с. 325). Даже и ёрничать не хочется. Одна улетевшая по ветру крыша чего стОит. Хорошо хоть, что в её полёте Гайдари-Чубайс не виноват...

Резюме: любители головоломок, кроссвордов, мозаик и загадок истории, купив книгу Кара-Мурзы «"Совок" вспоминает» почувствуют истинное удовольствие и не пожалуют о потраченной сотне рублей. Агитаторам КПРФ эта книга может быть порекомендована как источник цитат и лозунгов.

А.О. Чижов, к.х.н.

Июль 2003